Научная статья
Original article
УДК 32

ПРИЗРАКИ И НЕПОГРЕБЕННЫЕ: КАК А. ЭТКИНД ХАРАКТЕРИЗУЕТ ОТДЕЛЬНЫЙ РОССИЙСКИЙ ТИП КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

GHOSTS AND THE UNBURIED: HOW DOES A. ETKIND CHARACTERIZE A SEPARATE RUSSIAN TYPE OF CULTURAL MEMORY

Башкиров Семен Федорович, Студент, 4 курс бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Bashkirov Semyon Fedorovich, 4th year undergraduate student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация

В статье рассматривается проблема «призракологии» в контексте исследований Александра Эткинда и его анализа российской культурной памяти. Изучаются мультиисторичность российского общества, его сравнение с немецким и разбирается концепция ghostware, которой Эткинд дополняет собственные научные работы.

Делается вывод о том, что концепция ghostware валидно описывает проблемы, которые стоят в российском обществе и генерируют новых «призраков» культурной памяти.

Статья может быть полезна исследователям memory studies, политологам и специалистам в области медиа.

Annotation

The article deals with the problem of "prismology" in the context of Alexander Etkind's research and his analysis of Russian cultural memory. The multi-historicity of the Russian society, its comparison with the German one are studied and the concept of ghostware is analyzed, with which Etkind complements his own scientific works.

It is concluded that the concept of ghostware validly describes the problems that stand in Russian society and generate new "ghosts" of cultural memory.

The article may be useful for memory studies researchers, political scientists and media specialists.

Ключевые слова: Эткинд, призракология, культурная память, ghostware, мультиисторичность, непогребенные, сталинский террор, коллективная память

Keywords: Etkind, prismology, cultural memory, ghostware, multihistory, unburied, Stalinist terror, collective memory

Александр Эткинд и его исследования

Статья «Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror» [12, с. 182-200] была написана в 2009 году историком Александром Эткиндом. Ученый обладает степенью PhD от Хельсинского университета по славянской филологии, которую получил в 1998 году. С тех пор он преподавал во множестве институтов: Европейском институте международного права и международных отношений, Кэмбридже, Королевском колледже и т.д. С 2013 года он работает профессором департамента истории и цивилизации в Европейском университетском Институте (EUI) во Флоренции. Экспертная сфера Александра Эткинда довольно широка: российская и европейская интеллектуальная история, деколонизация, природные ресурсы, европейские империи, XX век и др. К ней также относятся исследования памяти, особенно

связанные с XX веком. Например, в начале 2010-х историк руководил проектом «Memory at War: Cultural Dynamics in Poland, Russia, and Ukraine». К memory studies относится и исследуемая статья. Она была опубликована в журнале «Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory». Это ежеквартальное научное издание, которое фокусируется на изучении философии, политики и права. Оно базируется в Нью-Йорке, однако его авторами являются ученые со всего мира. В статье Александр Эткинд не действует в рамках сугубо одной концепции или школы. Для доказательства выдвигаемой им теории культурной памяти, присущей постсоветскому обществу, историк в тексте объединяет различные подходы и идеи. На страницах «Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror» соседствуют основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм, представитель философской феноменологии Эрнст Нольте, один из виднейших теоретиков франкфуртской школы Юрген Хабермас, постмодернистский писатель Владимир Сорокин, а одна из главных идей текста основывается на теории деконструктивиста Жака Дерриды.

Чем определяется призракология

В 2004 году Александр Эткинд разделил горевание и воспоминания о трагическом прошлом в России и Германии на два типа: software и hardware [9, с. 36-59]. К первому относятся в первую очередь текстовые и нарративные фрагменты памяти, а ко второму — монументы. Вот как автор дополняет эту концепцию: «Разумеется, оба типа взаимосвязаны. Музеи, кладбища, памятные гуляния, экскурсии и учебники истории — это сложные системы, демонстрирующие многоуровневое взаимодействие между hardware (скульптуры, обелиски, мемориалы, исторические места) и software (песни, фильмы, путеводители, надписи, исторические исследования). Жизнь культурной памяти поддерживается не просто существованием обоих типов, а их взаимодействием, прозрачностью и поведением в их рамках». В статье «Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror» Александр Эткинд дополняет собственную концепцию [12, с. 182-200]. Он утверждает,

что такая дихотомия не подходит для России, которой свойственен третий аспект культурной памяти: ghostware. Во вступлении историк прямо называет Жака Дерриду вдохновителем. В своем сочинении 1993 года «Призраки Маркса» французский философ, полемизируя с оптимистичным взглядом Фрэнсиса Фукуямы на конец истории из-за краха коммунистической системы, выдвигает идею «призракологии» (или «хонтологии») [8]. Она основывается на знаменитой фразе Маркса про «призрак коммунизма» [5]. Исследователи Питер Бьюз и Эндрю Скотт подчеркивают: «Привидения приходят из прошлого и появляются в настоящем. При этом, однако, нельзя адекватно говорить о принадлежности привидения к прошлому, даже если видение представляет того, кто был мертв в течение многих веков, по той простой причине, что привидение, очевидно, не тот же самый объект, что личность, которая носила соответствующее имя. Принадлежит ли в таком случае „историческая“ личность, которая идентифицируется с призраком, настоящему? Очевидно, нет, так как идея о возвращении из мертвых разрушает все традиционные концепции темпоральности. Таким образом, та темпоральность, субъектом которой является призрак, является парадоксальной, так как он одновременно и „возвращается“, и осуществляет свой „привиденческий“ дебют» [7]. Соответственно, продолжая концепцию, образы прошлого остаются в настоящем из-за того, что в нем не решены проблемы прошлого, которые привели к их смерти или исчезновению из физического мира. Именно на основании этих идей Александр Эткинд формирует теорию о третьем аспекте культурной памяти в России: ghostware.

Три части статьи

Статью «Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror» можно разделить на три части, которые Александр Эткинд переплетает друг с другом [12, с. 182-200]. Первая относится к сравнению России и Германии. Обе страны прошли через тоталитарные режимы и государственный террор, однако только в одной из них в культурной памяти присутствуют призраки прошлого. Историк пытается понять причины этого. Вторая часть заключается

в описании восприятия сталинских репрессий современным российским обществом и сопровождающегося дискурса. К ней относится деятельность «Мемориала»; социологические опросы, которые выявляют значительную осведомленность россиян; литература и кино; политические действия и др. Наконец, третья, наиболее философская часть касается непосредственно постсоветской призракологии. В ней Эткинд обосновывает свою теорию и дополняет ее аспектами вроде «темной энергии», которая захватывает работающих с темой репрессий, и фильмов о «живых» мертвецах, например, «Покаяние» Тенгиза Абуладзе и «Ночной Дозор» Тимура Бекмамбетова. Разберем их подробнее

Германия и СССР-РФ

В первой части (здесь и далее под «частями» будут подразумеваться описанные мной выше смысловые, а не хронологические фрагменты публикации) своей статьи Александр Эткинд описывает причины, по которым немецкому, в отличие от российского, обществу удалось проработать травмы нацизма и тем самым избежать появления призраков [12, с. 182-200]. Факторов несколько: недолговечность режима (Третий Рейх не прожил и 15 лет, когда как СССР существовал 69 лет); диверсифицированность жертв сталинского террора (в отличие от евреев, которые в подавляющей массе были узниками немецких концлагерей); оккупация и жесткая денацификация в Германии после Второй мировой; разные типы формирования культурной памяти в двух частях Германии (в ГДР обстоятельства были ближе к советскому типу) и различия в виктимизации: «В советских лагерях большинство политических узников разделяло принципы, по которых их осуждали, но считало, что в личных делах их неправильно идентифицировали. В нацистских лагерях, с другой стороны, типичная жертва не подвергала сомнению свою идентичность (напр., еврей), но возражала против общих причин ее преследования. Это были два глубоко разных настроения, что вело к отличающимся друг от друга последствиям: сильное и четкое антифашистское, сионистское движение с одной стороны и хаотичная смесь

верности, эскапизма и сопротивления советскому режиму с другой» [12, с. 182-200]. Роль также играет общий хаос и недомолвки сталинского террора в отличие от педантичной немецкой документации Холокоста. Советским людям, чьих близких посреди ночи забирал «черный воронок», который вез их на расстрел, сообщали, что им дали печально знаменитые «10 лет без права переписки», когда как нацисты прямо декларировали свою ненависть к евреям. По мнению Эткинда, все это привело к тому, что коллективная память жителей Германии смогла преодолеть травмы прошлого и отработать их в конкретных аспектах software и hardware, апофеозом которой стала знаменитая фраза «Никогда больше!» [10, с. 139-169].

Мультиисторичность российского общества

Во второй части статьи Александр Эткинд рассказывает про работу, предпринятую правозащитниками и историками, в том числе из общества «Мемориал» по приданию огласки сталинским репрессиям [12, с. 182-200]. Например, он приводит в пример урочище Сандармох, которое было обнаружено в 1997 году. Он также отмечает интересный парадокс: несмотря на то, что большинство россиян на удивление хорошо осведомлены о масштабах Большого террора, общество относится к нему по принципу «мультиисторичности»: либеральная пресса сравнивает Путина со Сталиным, некоторые ученые считают, что правление последнего было лучшим временем в истории России, в литературе образ генсека переосмысливается через самые необычные образы, а с другой стороны неоконсерватизм поднимается через церковь: Эткинд приводит в пример фильм Тихона Шевкунова «Гибель империи» о Византии. Из-за этого трудно провести прямую кампанию аналогичную той, что началась в Германии после войны.

Чем определяется ghostware

В третьей части Александр Эткинд обосновывает свою теорию о том, что в российском обществе к software и hardware добавляется ghostware [10, с. 139-169]. В России до сих пор нормально не проработана коллективная травма Большого террора. Это ведет к тому, что убитые в его ходе становятся

призраками — наполовину умершими, наполовину оставшимися в этом мире. Память сохраняется только благодаря отдельным энтузиастам, а большинство архивов ФСБ до сих пор сохраняют гриф «секретно». Призраки в физических монументах являются характерным аспектом русской культуры: Эткинд цитирует исследователя Романа Якобсона, который отметил, что важной часть творчества Александра Пушкина является «скульптурный миф», когда статуя или памятник оживает и идет вершить правосудие [11]. Самыми яркими примерами являются «Медный всадник» и «Каменный гость». Подобный пиетет по отношению к памятному hardware часто возникает и в новостях: Эткинд приводит в пример скандал, когда в Эстонии передвинули памятник советским воинам под неофициальным названием «Бронзовый солдат» [2, с. 43]. Более подходящим к теме является эпизод с попыткой изменить местоположение Соловецкого камня, который также вызвала резкий протест. Столь сакральное отношение к монументам, по мнению Эткинда, является признаком ghostware: погибшие как будто населяют посвященные им памятники и любое изменение их места жительства их потревожит. В software же ярко о призракологии свидетельствует фильмы серии «Ночной дозор», в котором вампиры сосуществуют с обычными людьми, а Валерий Золотухин в роли одного из них явно намекает на тени мрачного советского прошлого. В фильме же «Покаяние» дочь погибшего выкапывает труп диктатора, так как его не должна принять земля. Она фактически насильно делает из него призрака, ведь смерть для него — недостаточное наказание [4, с. 120-130]. В финале Эткинд приходит к мысли, что российскому обществу нужно научиться жить с призраками, потому что в этом можно найти «долю надежды».

Банализация тоталитарных режимов

Статья Эткинда представляет собой полноценное исследование, в котором он дополняет собственную концепцию hard и soft памяти призракологией. Ее цитировали 135 раз, в основном в статьях о культурной памяти и постсоветском обществе, в том числе такие ученые как Алейда

Ассман [6, с. 53-71]. Тем не менее ее первая часть представляется мне недостаточно полной. Действительно Германия смогла намного лучше коллективно проработать травму тоталитарного режима по описанным выше причинам, однако социально-политические аспекты этой страны в разы отличаются от российских. Мне представляется не совсем корректным полноценное сравнение двух систем, потому что это создает упрощенную бинарную оппозицию, как будто в истории только эти две страны прошли через тоталитарные режимы и государственный террор. Можно вспомнить Франко в Испании, Муссолини в Италии, Салазара в Португалии, Мао в Китае и т.д. Для полноценного исследования общественной проработки памяти о жертвах тоталитаризма в конкретных странах необходимо проводить масштабное исследование, которое будет затрагивать целый ряд государств мира, принимая во внимание социальный, исторический, политический и культурный контекст.

Призракология российского общества

Что же касается ghostware, то эта философская концепция довольно точно ложится на постсоветскую реальность. При этом статья Александра Эткинда была написана в 2009 году, поэтому спустя 13 лет особенно четко видна причина, по которым призраки прошлого до сих пор населяют российское пространство культурной памяти: стойкое нежелание государства работать с коллективной травмой. Большинство чиновничьего аппарата РФ являются выходцами из КПСС, а глава государства и вообще — выходец из КГБ. В связи с этим деятельность по поддержанию памяти о погибших во время Большого террора и проводится, в основном, энтузиастами и активистами, часто с молчаливого, а иногда и с прямого неодобрения государства: недавняя ликвидация общества «Мемориал» ярко это демонстрирует. До тех пор, пока возможность провести коллективное погребение жертв конца 1930-х годов блокируется сверху, они будут призрачно бродить по российскому публичному пространству. Сам Александр Эткинд, чувствуя это, в 2013 году выпустил книгу «Warped Mourning**:** Stories

of the Undead in the Land of the Unburied», название которой в русском издании перевели более мягко: «Кривое горе. Память о непогребенных», хотя точнее, конечно, было бы «Извращенная скорбь: истории живых мертвецов в стране непогребенных» [13]. Мне также представляется гипотетически полезным использование психологической концепции «гештальта» и «холизма» в анализе призракологичности российского общества [3]. У Эткинда это отсутствует, однако эти два термина, подразумевающие ответственность за свои поступки в прошлом (как частную, так и общую) могут еще более ярко продемонстрировать способ с честью избавиться от призраков в российской культурной памяти.

Таким образом, концепция ghostware, выделенная Александром Эткиндом в статье «Post-Soviet Hauntology: Cultural Memory of the Soviet Terror» очень валидно описывает проблемы, которые преследуют российскую культурную память с 1990-х, а корни их и вообще лежат в конце 1950-х, когда Хрущев, опасаясь, что сам падет жертвой волны десталинизации, не направил ее по такому же пути, как шла денацификация в послевоенной Германии [1]. В начале 2020-х проблема призраки остаются жить в российском публичном пространстве. При этом сравнение СССР с исключительно Германией не совсем корректно, потому что игнорируется ряд важных контекстуальных вопросов. Большая часть же высказанных идей развивается Эткиндом в своей книге «Warped Mourning**:** Stories of the Undead in the Land of the Unburied».

Литература:

1. Артюков А. П., Козловская Г. Е. Содержание доклада НС Хрущева «О культе личности и его последствиях» как итог «скрытой» десталинизации 1953-1956 гг //Электронный научно-образовательный журнал" История". – 2021. – Т. 12. – №. 5.
2. Дахин А. В. Споры вокруг «Бронзового солдата» //Космополис. – 2008. – №. 1. – С. 43.
3. Елисеев О. П. Гештальт-психология личности. – 2019.

4. Тугуши С. А. Тенгиз Абуладзе-мастер философской притчи в европейском кино //Современная Европа. – 2009. – №. 4 (40). – С. 120-130.
5. Энгельс Ф., Маркс К. Манифест коммунистической партии. – Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2018.
6. Assmann A. To remember or to forget: Which way out of a shared history of violence? //Memory and political change. – Palgrave Macmillan, London, 2012. – С. 53-71
7. Buse P., Stott A. (ed.). Ghosts: Deconstruction, psychoanalysis, history. – Springer, 1999.
8. Derrida J. Specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new international. – routledge, 2012.
9. Etkind A. Hard and soft in cultural memory: Political mourning in Russia and Germany //Grey Room. – 2004. – №. 16. – С. 36-59.
10. Feldman Y. S. “Not as Sheep Led to Slaughter”? On Trauma, Selective Memory, and the Making of Historical Consciousness //Jewish Social Studies: History, Culture, Society. – 2013. – Т. 19. – №. 3. – С. 139-169.
11. Jakobson R. Puskin and His Sculptural Myth. – De Gruyter Mouton, 2019.
12. Etkind A. Post-Soviet hauntology: Cultural memory of the Soviet terror //Constellations. – 2009. – Т. 16. – №. 1. – С. 182-200.
13. Etkind A. Warped mourning. – Stanford University Press, 2013.

Literature:

1. Artyukov A. P., Kozlovskaya G. E. The contents of the report of the National Assembly of Khrushchev "On the cult of personality and its consequences" as a result of the "hidden" de-Stalinization of 1953-1956 //Electronic scientific and educational magazine "History". – 2021. – Vol. 12. – No. 5.
2. Dakhin A.V. Disputes over the "Bronze Soldier" //Cosmopolis. – 2008. – №. 1. – P. 43.
3. Eliseev O. P. Gestalt-psychology of personality. – 2019.
4. Tugushi S. A. Tengiz Abuladze - master of philosophical parable in European cinema //Modern Europe. – 2009. – №. 4 (40). – Pp. 120-130.

5. Engels F., Marx K. Manifesto of the Communist Party. – Strelbytskyy Multimedia Publishing, 2018.
6. Assmann A. To remember or to forget: Which way out of a shared history of violence? //Memory and political change. – Palgrave Macmillan, London, 2012. – pp. 53-71
7. Buse P., Stott A. (ed.). Ghosts: Deconstruction, psychoanalysis, history. – Springer, 1999.
8. Derrida J. Specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new international. – routledge, 2012.
9. Etkind A. Hard and soft in cultural memory: Political mourning in Russia and Germany //Grey Room. – 2004. – №. 16. – Pp. 36-59.
10. Feldman Y. S. “Not as Sheep Led to Slaughter"? On Trauma, Selective Memory, and the Making of Historical Consciousness //Jewish Social Studies: History, Culture, Society. – 2013. – Vol. 19. – No. 3. – pp. 139-169.
11. Jakobson R. Puskin and His Sculptural Myth. – De Gruyter Mouton, 2019.
12. Etkind A. Post-Soviet hauntology: Cultural memory of the Soviet terror //Constellations. – 2009. – Т. 16. no. 1. – P. 182-200.
13. Etkind A. Warped mourning. – Stanford University Press, 2013.

© Башкиров С.Ф., 2022 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №4/2022.

Для цитирования: Башкиров С.Ф., «ПРИЗРАКИ И НЕПОГРЕБЕННЫЕ: КАК А. ЭТКИНД ХАРАКТЕРИЗУЕТ ОТДЕЛЬНЫЙ РОССИЙСКИЙ ТИП КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ»// Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №4/2022.